

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-160-176

УДК 2-1:241:261-4:316.7

РЕЛИГИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА: ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ СЕМЕЙНО-РОДОВОЙ ПАМЯТИ

Логунова Лариса Юрьевна,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социологических наук
Кемеровского государственного университета,
Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6
ORCID: 0000-0001-8417-913X.
vinsky888@mail.ru*

Жукова Ольга Ивановна,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и общественных наук
Кемеровского государственного университета,
Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6
ORCID: 0000-0001-9689-208X.
oizh@list.ru*

Грицкевич Татьяна Игоревна,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и общественных наук
Кемеровского государственного университета,
Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6
ORCID: 0000-0001-6479-504X
taigree@yandex.ru*

Аннотация

Связующим элементом духовности и религиозности личности являются социальные смыслы, на которые опирается разум человека в моменты рефлексивного выбора мотивации своих действий. В статье анализируется базисное основание духовности личности – семейно-родовая память, способная конструировать социально-культурные этические смыслообразования, определять судьбу людей, помогать им осознавать свою глубинную сущность, смыслы существования. Анализ ведется на примере сибирской общности. Смысл, являясь наполненной гносеологической ценностью, выступает ориентиром метафизической потребности в вере. Семейно-родовая память имеет стабилизирующую культуротворческую функцию, необ-

ходимую для воспроизводства и поддержания социального порядка, закреплённого в духовных практиках.

Семейно-родовая память определяется авторами как система представлений, стереотипов, объединённых ценностно-смысловым ядром (семейная солидарность в понимании своей исторической идентичности) с духовно-деятельностными основаниями мыслительных структур оценки динамики исторических событий, наполняемых множеством личностных значений на уровне смысловых функций. Семейно-родовая память нарративна. Изучение семейных мнемических нарративов позволило авторам определить значения социокультурной травмы в эволюции осмысления членами сибирской территориальной общности своей религиозности. Массив интервью со старшим поколением сибиряков распределён по тематическим кластерам, содержащим смысловые позиции выполнения духовных практик или отказа от них. Эти смыслы старшие поколения передают своим внукам в качестве символического духовного капитала, влияющего на поведение молодых членов общности. Единству религиозности и противоречивости содержательного наполнения социальной памяти посвящено авторское исследование отношения к религии многоконфессионального «сибирства».

Ключевые слова: философия религии, семейно-родовая память, религиозность, сибирская общность, духовная жизнь общности.

Библиографическое описание для цитирования:

Логунова Л.Ю., Жукова О.П., Грицкевич Т.П. Религия и ее значение в социокультурном бытии человека: духовно-практические смыслы семейно-родовой памяти // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 1. – С. 160–176. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-160-176.

Интродукция. Память, смысл, бытие

Современное общество экзистенциально-обостренно переживает конец рационалистической эпохи, рожденной просветительскими идеалами общественного устройства и социального порядка. Абсолютизация значения разума, разделение веры и разума, онтологизация рационального во всех сферах духовной жизни как ценностный принцип социального развития претерпевает идейные метаморфозы. Подобные трансформационные процессы, не в последнюю очередь вызванные кризисом позитивистского, рационального мировоззрения, отчетливо проявляются в социокультурной сфере. Основным связующим элементом духовности и религиозности являются социальные смыслы, на которые опирается разум человека в моменты рефлексивного выбора мотивации своих действий. Стабилизирующей альтернативой становится социальная память общности, выполняющая свою консервирующую функцию.

Социальная память – философско-социологическая категория, имеющая сложную структуру формального и содержательного свойства. Гно-

сеологическая проблема заключается в противоречивости содержательного наполнения социальной памяти (в том числе в одной из ее структур – семейно-родовой памяти), ее способности транслировать человечеству жизненно важную информацию и оценки ее значимости для настоящего. Человечество нуждается в реконструкции социальных смыслов и исторической памяти о религиозности в образах будущего [11], которые могли бы являться источником надежд людей на лучшее.

Идти вглубь памяти – значит преодолевать препятствия «модернизированных репрезентаций», реконструкций, реминисценций, ошибок памяти. Зафиксированная в словах или в зрительном образе (иконографических документах) память – это переживания прошлого, заключенные в смысловые границы настоящего. Эти границы раскрываются в процессе интерпретации, «понимания» содержания этих переживаний. Акт вспоминания события провоцирует на различные сценарии понимания прошлого. Содержание коллективной памяти распадается на «темы» – смысловые конструкты, которыми акторы оперируют, решая задачи повседневной жизни.

Смысловые конструкты, наполняющие содержание коллективной памяти, оказываются определяющими условиями существования как для отдельного человека, так и для единого «мы». Человек в процессе своего жизненного бытия имеет дело с разнообразными смыслами. В этом контексте нельзя говорить о наличии только одного, абсолютно значимого смысла. Сами социокультурные реалии привносят свои корректировки в изменение знаково-символической наполненности смыслами как своего «я», так и коллективного «мы».

Для личности определить смысл своего существования – это значит в определенной степени определить свою судьбу, осознать свою подлинную, глубинную сущность [5]. Жизненное бытие человека – это не просто реализация его биологических и духовных сил, а непрерывное конструирование смыслообразований. Смысл, будучи важной избыточной ценностью, является ориентиром метафизической потребности человека. Его можно рассматривать в качестве идеальной власти, которая управляет бытием человека и детерминирует ценностные ориентиры. «Смысл – это зеркало человека, не столько человека в его так- и теперь-бытии, сколько в его еще-не-бытии, в проекции его желаний. Смысл – это до-полнение, добавка к недостаточному, неудовлетворительному теперь-бытию. Он представляет то, *ради-чего человек есть* в качестве становящегося» [14, с. 43].

Конкретная смысловая содержательность ценностных ориентиров способствует формированию устойчивых параметров бытия, реализации потенциальных способностей, приносит чувство удовлетворенности и гармонии с социокультурной реальностью. В смыслоценностных аспектах отражаются потребности, интересы, желания личности: желание мира,

счастья, свободы, справедливости, духовной благодати, вечной жизни, всего того, что соответствует имманентным и трансцендентным устремлениям человека, что делает его бытие соразмерным, устойчивым [3, с. 75; 4].

Исследования семейно-родовой памяти, проводимые нами с 2001 года, позволяют рассматривать ее как утилитарно-ценностное основание духовной жизни, опосредующей социальный порядок. Архив семейных историй сибиряков пополняется несколько лет [8]. Мы расцениваем эти истории не просто в качестве эмпирического материала. Это откровения людей, чьими судьбами написана история Сибири.

Методология исследований семейно-родовой памяти основана на междисциплинарном подходе, объединяющем методологический потенциал смежных дисциплин. Методология объединяет достижения исторической науки (Я. Ассман, Ж. Ле Гофф, А. Моль, П. Нора), социологии (П. Бергер, Э. Дюркгейм, Т. Лукман, М. Хальбвакс), социальной генеалогии (Л. М. Савелов). В философии конструктивные и деструктивные свойства социальной памяти рассматривали экзистенциалисты М. Бубер, А. Камю, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, М. Хайдеггер, последователи франкфуртской школы Э. Маркузе, Э. Фромм, Ю. Хабермас. В рамках отечественной философской традиции особое внимание этой теме уделяли М.А. Розов, Я. Ребане.

Качественная парадигма становится ведущей при интерпретации данных. Методы исследования – глубинное интервью, критический анализ дискурса, контент-анализ, метод понимания. Единица контент-анализа – смысл, подвергнутый с помощью метода понимания, интерпретации научно-аналитическому транспонированию (переводу из тональности повествования в новую форму осмысления – раскодирования с помощью научного инструментария).

Критический анализ дискурса предполагает работу с гипертекстами. В процедурном смысле это структурирование массива дискурс-данных на кластеры повторяющихся тем. Результаты проведенного исследования дали интересный материал для интерпретаций эволюции социальных смыслов религиозности сибиряков. Из массива данных выбраны 145 историй с упоминанием темы отношения к религии. Повествователи стремились осознать вопросы веры и религии в жизни их семей в исторической перспективе и современности, рассказать о них интервьюерам – представителям младших поколений.

Социокультурная травма. Религиозность. Семейно-родовая память

Люди необязательно помнят те или иные значимые политические события. Смыслы событий прошлого содержание исторической памяти не перекрывает. Историческая память лишь частично наполнена нарратива-

ми семейно-родовой памяти. Исторический нарратив отмечен в исследованиях Л.П. Репиной как стабилизирующая основа поиска самоидентичности общности [12]. Социальная память – социально-философская и социологическая категория, имеющая сложную структуру. Д.И. Наумов утверждает, что «интерпретации проблематики социальной памяти актуализируют практику борьбы за коллективную идентичность, легитимационную и идентификационные функции памяти в обществе» [10, с. 96]. Интерпретация исторических фактов без объективного анализа исторического контекста культуры, борьбы идей, религиозности есть, по мнению С.Л. Ивашевского, создание иллюзий, уход от реальности, отказ от совершенствования потомками социального опыта [6, с. 236]. Деформация коллективной социальной памяти о социальном порядке лишает общественное развитие значимых смысловых конструкторов для понимания и объяснения прошлого. Недоверие к культуротворческой функции мнемического нарратива ослабляет институты власти, открывает пути для манипуляций общественным сознанием, политическим спекуляциям. Избыточность законотворчества в поддержании социального порядка в виде нормативного «наступления» на свободу личности в выборе убеждений и права самостоятельно анализировать уроки отечественной истории, по мнению П.В. Векленко, несет ущерб функционированию социальных систем [2, с. 362].

Семейно-родовая память шире понимания историками событий прошлого и не тождественна памяти исторической. Это личностно-окрашенная память, передаваемая потомкам в качестве социального наследия. *Семейно-родовая память рассматривается нами как система представлений, стереотипов, объединенных ценностно-смысловым ядром (семейная солидарность в понимании своей исторической идентичности) с духовной и событийной структурами, «схваченная» в смысловой и событийной динамике.*

Но память – это реконструированная реальность. Социальная память – это и не реальность вообще, а лишь срез вариативных пониманий этой реальности разными социальными группами. Поэтому она не может быть содержательно однородной. В своей самодостаточности функционирования она не подчиняется идеологическим требованиям смысловой унификации воспоминаний. Она социально дифференцирована, наполнена множеством значений на уровне смысловых функций и вариативностью смысловых интерпретаций.

Семейно-родовая память нарративна. То, что человек повествует о себе, раскрывает его динамический образ, пережитый в актах памяти. Это нарративы неофициального характера, которые могут не отражать официальной версии истории. Это параллельная реальность, в которую верят люди; отрицать ее, искать в ней ошибки некорректно или даже наивно. Нарратор –

единственный эксперт своей жизни, его история – это его реальность, в которой официальный историк некомпетентен. Говорящий – это медиум, через которого бытие вещает о своем прошлом. Поддерживая семейный мнемический дискурс, нарратор идентифицирует себя с родственной группой, ощущает связь с ушедшими и грядущими поколениями.

Это определяет цель исследования: изучение семейно-родовой памяти сибиряков в контексте ценностно-смыслового содержания ее отношения к религии.

Ключ к пониманию этих историй – социокультурная травма. Это события, изменившие повседневную жизнь людей. Травматический эффект «шоковых событий» имеет инерционный характер и сохраняется в виде «тьмы» в семейных нарративах, передаваемых младшим поколениям.

Это символическое наследие рода, оказывающее латентное, но модальное действие на несколько поколений потомков. Таким травмирующим эффектом стали действия советской власти, которая с октября 1917 года лишила Церковь прав юридического лица, национализировала церковное имущество (1918), объявила, что религиозные убеждения несовместимы со строительством социализма. Представители духовенства были лишены избирательных прав, ограничены в политических и гражданских правах, стали «лишенцами».

На территории Кузбасса в 1920–1930-х годах имелось более 180 церквей и молитвенных домов Русской православной церкви. Решениями исполкома Новосибирской области, Западно-Сибирского края в 1931–1942 годах было закрыто 110 церквей. К моменту образования Кемеровской области все действующие православные приходы были ликвидированы [7]. В семейных историях сибиряков это описано так: *«Когда рухнуло царское правительство, вот тогда пришли коммунисты, коммунистическая партия верховодила, она была главенствующая. Произошло отделение церкви от государства. Церковь начали преследовать, уничтожать. Запрещалось верить в Бога. Верить должны были в построение социализма, а затем в построение коммунизма»* (информант Е. Г.). Однако официальный запрет на религиозную жизнь не означал, что эта жизнь закончилась. Изменились стратегии этой жизни, что запечатлелось в семейно-родовой памяти исследуемой общности.

Практическая ликвидация церковной власти в духовной жизни общества оказала парализующее действие на социальное поведение, деструктурировала жизненный мир людей. Духовная жизнь с ее традиционными обрядами и ритуалами ушла в «подполье». *«Бабушка верила тайно, она говорила: “Вспомните еще, вспомните, всё вернется, и когда-то закончится это притеснение Бога”»* (информант Е. Г.). Этап посттравматического синдрома затронул, как минимум, два последующих поколения. Это время обновления и переписывания общей и личных историй. Однако в этих зыбких, постоянно ме-

няющихся общественно-идеологических и личных осмыслениях и самооправданиях есть определенные стабильные элементы – «темы», относящиеся к событиям, ключевые герои нарративов, слушатели историй.

Смыслы веры в мнемическом семейно-родовом дискурсе

Смысловые кластеры (группы историй) распределились следующим образом: «истинная вера» (26 историй), «нормальное» отношение к религии» (25 историй), «яйца красим, свечи ставим» (38 историй), «противоречивая вера» (12 историй), «искренняя вера» (9 историй), «гром не грянет, – мужик не перекрестится» (5 историй), «умная вера» (11 историй); единичные истории, повествующие о духовных позициях мусульман, католиков, евреев, атеистов (7 историй совокупно). Отдельный смысловой кластер составили истории, содержащие смыслы толерантности по отношению к другой вере (12 историй)¹.

«Истинная вера». Кластер составлен из историй потомков староверов, переселившихся в Сибирь до XIX века, а также переселенцев из Украины и Беларуси. Они считают себя православными христианами и артикулируют однозначные утверждения по поводу своего вероисповедания. Рефреном в историях звучат фразы: *«В Бога верю»*; *«Мы православные, мы верим в Бога»*; *«Мои родители были глубоко набожными»*. Это рассказы о том, как предки и родственники пронесли веру через жизненные трудности. Эти истории окрашены эмоциями, они выглядят «живыми», «активными» повествованиями.

В конструктах нарратива уделяется место практикам соблюдения обрядов и ритуалов в ситуации практического запрета на свободу совести. Информантами подчеркивается, что семья ориентировалась на соблюдение традиций в любых жизненных ситуациях: *«В нашей семье все были православными христианами. Но в СССР мы старались скрывать свою веру, потому что боялись за свою семью»* (информант С. М.); *«Матрена Ивановна была верующей, ходила в церковь, соблюдала посты, помогала восстановлению церкви в Казе, окрестила в ней своего внука Дмитрия. Он является верующим»* (информант А. Е.); *«Я всегда была верующей. II хотя во времена советского безбожия было трудно сохранять основы православного вероучения, я всегда крепко молилась. II детям, и внукам рассказала о любви Господа к нам. Мои дети, внуки и правнуки – все православные христиане. Они регулярно посещают храм, постятся, чтят великие праздники Пасхи и Рождества Христова»* (информант Е. В.).

Вера могла выглядеть наивной, но это то, что давало людям ориентир, «якорь» во время бурь событийности, депривации: *«Они были из семьи немцев, переселенных в Кемеровскую область в 1943 г., работали с братом в трудовой армии»*.

¹ Этический принцип защиты приватности по отношению к респондентам обязывает нас иллюстрировать тезисы фрагментами интервью с закодированными именами нарраторов.

Бабушка шептала молитвы в бараке по ночам, как заклинания, просила Бога, чтобы спас ее от голода и холода, позаботился о родных. В то время людям только и оставалось, что надеяться на чудо» (информант Е. А.).

Интерес к религии возрастает в период кризисных глубинных социальных противоречий. Религиозные воззрения не получили бы своей значимости и аксиологического смысла, если бы не обращались к глубинным основаниям личностного бытия, к вечным проблемам жизни и смерти, которые приобретают особый смысл в условиях современных социальных реалий. Представители старшего поколения и сегодня проявляют последовательность в исповедовании веры: *«Я верю в Бога, в Иисуса Христа. Каждый день молюсь за Россию, за детей, за себя. Стараюсь каждый месяц посещать церковь» (информант Ю. М.); «Прабабушка очень религиозная. Так как не было церкви, она самостоятельно молилась утрами, приучала к этому детей, регулярно давала им читать Библию. Для бабушки вера – это благополучие и здоровье, мир в семье и на душе. Когда сильно недомогает – обращается к Богу, читает молитву. Благословляет близких, отмаливает родных. Это неотъемлемая часть жизни, очень важная. Относится она к ней с большим трепетом и уважением» (информант П. К.); «Мы нашего православного Бога всегда чтили и жили по его заповедям. Воскресенье – всегда выходной день. В христианские праздники – только радость, никакого труда. В церковь по сей день хожу. С Богом мне живется радостно, спокойно. С Божьей помощью ем и сплю до сих пор, хотя старушка уже древняя» (информант П. Х., 96 лет).* Появились и новые практики с использованием современных технологических достижений: *«Каждый день через планшет на ютубе смотрю молитвы и молюсь вместе с людьми» (информант П. К.).*

«Нормальное» отношение к религии. Отдельную группу составили истории, в которых респонденты сообщают о «нормальном» отношении к своей религии и нейтральном восприятии других религий. Нарраторы – потомки этнических украинцев, приехавших с Сибирь, спасаясь от голода в 1920-е годы, переселенных принудительно, раскулаченных. Повествования этих историй безэмоциональные: *«Ну, христианка я. В церковь ходила. Отношение к религии? Нормальное» (информант О. С. А.).* Как правило, на уточняющие вопросы интервьюеров нарраторы отвечали кратко, отказываясь от дополнительных комментариев: *«Мы – православные христиане».* Анализируя краткие ответы, можно говорить об определенном уровне культуры воспоминаний или о травматическом опыте: люди не желают вспоминать суровое прошлое, связанное с утратой дома, близких, репатриацией.

Потомки в попытке объяснить бедствия старших родственников стараются иногда придумать причины, далекие от реальности: *«Мамка говорила, что дед Моисей был очень религиозный, за веру его даже посадили. Представители местной власти приходили к ним и настойчиво просили отречься от веры. Дед отказался. За это его на 8 лет посадили в тюрьму на Колыме в Магаданской области.*

Правда, вышел он уже через 4 года. Он был очень умным и образованным человеком, может, поэтому его и освободили раньше» (информант А. Н. Н.). Неуверенность в изложении семейной истории свидетельствует об отсутствии фактографических, документальных подтверждений, объясняющих молчание деда Моисея, не объяснившего своим детям причины семейной трагедии. Травматическая реальность прошлого становится придуманной реальностью настоящего, неосмысленного, допускающего новые волны депривации. За такой мифологической реальностью, как правило, следуют новые «шоковые события». Урок истории, не выученный родителями, приходится повторять внукам.

«Яйца красим, свечи ставим» – собирательный смысл следующей группы семейных историй. Авторы этих историй охарактеризовал один из респондентов: «Люди не воцерковленные, а верующие». Они рутинно практикуют ритуалы, вспоминают о Боге «по праздникам». Тяга к «старине» с ее смыслами стабильности и понятности проявляется с очевидностью. *«О религии в семье не заикались. Но Пасха у нас всегда была. Красили яйца, пекли вкусные куличи. Да и Масленица всегда была, веселый праздник. Сестра втайне от мужа крестила своих детей. Но уже во время перестройки в красном углу дома появилась икона» (информант Е. С. П.); «В советское время о религии вообще не говорили. Но я помню, Пасха у нас всегда была. Куличи и крашеные яйца – традиционный атрибут любой советской семьи. То есть религии не было, а праздник Пасхи был» (информант Е. С. З.).* Такую позицию и сегодня воспроизводят очень многие «верующие» россияне, не посещающие храмы, не соблюдающие посты, не знающие религиозные догматы, не практикующие христианские таинства. *«Семья у нас верующая, но в церковь никто не ходит (информант А. А. Н.).*

Лейтмотив этих историй: «В церковь не хожу, но в душе верю». И в этой же душе верующие высказывали сомнения в Боге: *«Не видал же его никто, может, есть он, может, и нет» (информант С. Ф. М.).* Это позиция современного среднестатистического верующего россиянина, который вспоминает о принадлежности к православию два раза в год: на Пасху и Рождество. В остальное время он готов потрясать духовностью, угрожая как священным копьём судебными разбирательствами по любому поводу из-за «оскорбленных чувств». Если утрачена традиция на низовом, семейном уровне, утрачивается и истинный смысл религиозных практик. Любовь, всепрощение, жертвенность подменяются искусственными идеологически сконструированными смыслами «духовности». Традиция «книжности», уважения к священности книги и буквы Писания превратилась в переводную православную читку. *«Батюшка рассказывал, что знать-то надо одну-две молитвы, а остальное – читай с книжки. Сейчас ведь не как раньше на старорусском написано. У меня уже две книжки из церкви есть: Новый завет и еще какая-то. Там всё понятно по-русски написано» (информант Я. З. М.).*

«Христиане-коммунисты». Смысл отдельной группы нарративов можно описать как историческое противоречие. Респонденты заявляли, что они коммунисты, исповедующие христианство: *«Вся наша семья – истинные коммунисты. В этом мы принципиальны. Все члены нашей семьи – верующие христиане. Мы ходили в воскресную школу и детей отправляли. Наши дети – неверующие. Но это всё дело столкновения поколений»* (информант З.Ф. С.); *«Отец мой на партийные собрания с крестиком ходил и говорил, что Бог его в войну сохранил и домой вернул»* (информант В. П. В). Социокультурная травма изменила роль социального института религии и отношения к ней людей, принявших альтернативное мировоззрение. Последствия «секуляризации», по мнению П. Бергера, приводят к плюрализму мировоззрений, утрате религией и институтами Церкви роли монополизирующего мировоззрения, что в конечном итоге снижает влияние религии на общественную жизнь [1]. Эти противоречия закрепились в сознании потомков, которые веру отцов воспринимают не как духовный путь, а как набор ритуалов.

Хромающая преемственность, противоречивая вера породила детей вне религии отцов, воинствующих атеистов, верующих в Бога и в чудеса. Это своеобразная адаптация к посттравматическому синдрому (П. Штомпка [13]), порождающая религиозные мировоззренческие метаморфозы. П. Бергер [1] и Т. Лукман [15] определили их понятием «приватной» религии, представляющей собой своеобразное соединение различных верований, обрядов, практик, субъективных взглядов. Происходит демополизация религии. В этой ситуации практически невозможно конструирование общего мира, социальное бытие человека утрачивает устойчивые смыслы, значения, обязательные для всех. Со всей очевидностью отстаиваются интересы структур церковной власти, которые подменяют идеи возрождения духовности и нравственности смыслами послушания с целью доступа к механизмам политического влияния. В такой ситуации клерикалы вынуждены одновременно чтить память и жертв, и их палачей: и репрессированных священников, и «отца народов», курировавшего репрессию [9, с. 195].

Это создает почву для релятивности религиозного содержания. «Приватная религия» «деобъективирует» это содержание, означающее потерю само собой разумеющейся реальности в сознании индивида. Религия субъективируется, так как человек открывает ее в границах собственного «я», и место религиозных онтологических смыслов начинают занимать экзистенциальные, психологические, фантастические идеи.

Среди смысловых вариаций нарративов о жизни семей, в которых нет духовного единства, встречаются истории о том, как в семье родителей-коммунистов дети приняли крещение; как живут идеологически и духовно смешанные семьи, где одна ветвь исповедует христианство, а другую

составляют 2-3 поколения атеистов: *«Я сам не особо верующий, дети – кто как. У нас в семье чудесным образом сочетаются разные люди. Оба моих деда не верили в Бога, отец тоже. Бабу Меланью могу назвать даже фанатиком. Молилась постоянно, каждое воскресенье ходила в церковь. Себе во всём отказывала. Например, соберёт яйца и молоко за неделю, семье ничего не оставит – в церковь унесет. Попа кормила хорошо. Всё у нее грех был: дети на кровать ногами наступили – грех, сломали карандаш – грех. И при этом матерщинница та еще была! Человек-противоречие просто (информант Ш. Ф.); «Родители у меня были верующие, нас всех крестили. Но я всю жизнь был атеистом. В наше время странно было быть верующим. Была партия, труд – зачем какая-то вера нужна? Есть, конечно, православные праздники, когда можно собраться всей семьёй и выпить. Но для этого можно любой день выбрать. А Бог чем нам поможет? Мы за родину воевали сами, работали сами, семьи и дома строили без божьей помощи. В кого верить-то? К слову, жена верующая, но она с возрастом уверовала: стала в храм ходить, свечи ставить, праздники чтить. Ну, пусть верит – её дело. Посты не держим, и на том спасибо» (информант А. К.).*

Постсекулярная ситуация стимулирует развитие культа самодостаточности человека, чувства личностной уникальности и неповторимости. С одной стороны, это развивает в личности рефлексивное мышление, ответственность за себя и своих близких, с другой – способствует развитию скепсиса и сомнения в нравственно-этических основаниях, что приводит к беззащитности сознания, потере устойчивых личностных основ.

Встречаются истории, в которых рассказывается о сильном влиянии члена семьи, изменившего мировоззрение родственника: *«Дедушка был твердым атеистом, пока не встретил свою жену, которая привила ему любовь к христианству. А их дочь Светлана под влиянием действующей власти была атеистом» (информант С. Ч., кадровый военный).* Интересно, что попытки осмысления такой ситуации идут с позиции атрибуции самооправдания. Со слов респондентов получается, что дело не в личной ответственности, пути духовного подвига, но в «столкновении поколений», давлении власти, внешних обстоятельствах.

«Искренняя вера». На других респондентов эти обстоятельства не имели сильного влияния. Они рассказывали о тайном отпращивании религиозных обрядов или апокрифическом исполнении ритуалов. Этих респондентов можно назвать искренне верующими, сохраняющими в сердце заветы религии отцов. Формально предметы культуры занимают важное место в интерьерах их домов. Но иконы на божничках – это символ чисто сибирских практик. Эти иконы передаются из поколения в поколение и имеют смысл реальной церкви, которая «в душе». Так завещали первые переселенцы сибиряков своим детям: не ходить в церковь, где «попы Бога продали», но молиться дома, перед иконами: «так крепче будет». *«Мы все христиане. Я помню у бабушки в углу комнаты божничку. Так было во многих до-*

мах» (информант Н. П., 71 год). Эта вера основана не на догмах, а на понимании важности ценностей добра, честности, правды в отношениях между людьми: «Если веришь Богу, так ты не верь никакому черту. Людям надо во что-то верить. Я в Бога верю, но я в церкви всего 2 раза был. Молиться не умею, молитв не знаю, но в Бога верю. Верить надо в хорошее, делать надо только хорошее и уважать друг друга» (информант П. Ф. Т., 90 лет); «В Салаире не было церквей, все жили по закону “Не убий, не укради”» (информант Е. П. П., 98 лет); «Коммунисты активно боролись с православной церковью. Поэтому люди боялись верить напоказ. Несмотря на все преграды, верили. Вера была у них внутри. Бабушка всегда молилась, дома были иконы» (Ф. А. П., 87 лет).

Не имея возможности провести ритуалы таинства крещения, женщины «погружали» своих детей втайне от посторонних или начальственных глаз: «Жена моего деда с ее свекровью втихаря погрузили всех детей» (информант Т. Е.); «Хоть многих не крестили, даже не погружали, но все в душе уповали на Бога и молились» (Р. А. С., 83 года.); «Точно помню, что в доме не было икон, потому что бабушка говорила, что вера в душе, и это главное» (информант В. Х.).

«Умная вера». Кластер этих историй является смысловым дополнением предыдущего. В историях звучит самоанализ своей совести. Это нарративы-рассуждения мудрых людей о смысле религии, о ценностях веры. «Я имею уважительное отношение к религии. Уважаю нормы и устои религии, людей, которые исповедуют ту или иную религию. Религия для одних – это смысл жизни, для других – фанатизм, для третьих – мода. Я думаю, что религия – это связь с Богом. Но такая связь может установиться и без религии» (информант Ф. А.); «Иисус показал людям пример благочестия и подвижничества. Это стоило ему жизни. Важной особенностью православия становится опора Бога на человека. В православии Бог олицетворяет все лучшие качества человека: истину, мудрость, любовь, блаженство, добро, красоту, могущество, вечную жизнь. Все они находятся в гармоничном соотношении друг с другом» (информант Ю. Т.); «Вера – это вершина и направление всего движения жизни, это ресурс для верующего православного, буддиста или мусульманина. Информация о чудесах и деяниях святых в любой вере – это программа помощи будущим поколениям» (информант Е. Т.).

В историях есть рассуждения о важности внутренней веры, не требующей доказательств. По эмоциональной окраске это спокойные рационально осмысленные суждения: «Я не утверждаю, что существует Бог, но и не отрицаю. Кто знает о том, какие силы существуют за пределами нашего разума и понимания. Мое отношение к религии положительное. Я считаю, что нужно верить» (информант П. Ш.); «А как без веры-то? Тем более сейчас, в такое время страшное. Бог – он один, и он всех слышит, всё, что ни делается, всё видит. Он потом всё по своим местам расставит, решит, кому – в ад, кому – в рай. У меня вся семья верующая была: и отец, и мать, и бабушка, и своего ребёнка я всегда наставляла, что в Бога верить надо. Иногда, кроме Бога, ты и не нужен больше никому» (информант С. М.).

Кластер «Атеисты» насчитывает 8 семейных историй. В этих историях краткая констатация факта отказа исповедовать любую религию или объяснение атеистической позиции воспитанием: «Все в то время были атеистами»; «Я атеистка, мои родители были коммунистами и меня воспитали в духе коммунистическом» (информант О. Г.).

Заключение

Вопросы о роли религии в жизни современного общества, религиозности отдельного человека остаются дискуссионными в современном теоретическом знании. В практиках повседневной жизни эта неоднозначность проявляет себя в вариативности и дифференциации понимания актов духовной жизни разными людьми. Бесконечной вариативности событий и ситуаций нет. Осмысление прошлого укладывается дифференцированно в конструкты смысловых тем. Для понимания такой дифференциации в осмыслении событий прошлого необходим «ключ» – смыслообразующий конструкт, связывающий вариативность пониманий в единый логический стержень описания события, зафиксированного в неофициальных нарративах людей.

В изучении социальной памяти сибиряков таким ключом является концепция социокультурной травмы, повлиявшей на характеристики семейно-родовой памяти. Последствия социокультурной травмы характеризуются драматизмом в судьбах. Эти трагедии могут не вербализоваться, не обсуждаться членами семей, погруженными в повседневные заботы. Но социальная память фиксирует эти события, преломляя их через ошибки, реконструкции, селекцию неудобных воспоминаний. Каждый помнит то, что для него значимо, и в тех смыслах, которые изменили его судьбу. Нарративы сибиряков, повествующие об истории их семей, – это «голоса молчащих», которые не слышит официальная история. Но они несут ценностно-смысловое содержание коллективной памяти предшествующих поколений, определяющей поведение потомков в настоящем и будущем.

Феномен социальной памяти в современной социокультурной реальности продолжает занимать одно из центральных мест как основополагающий элемент развития процессов идентификации национальных сообществ. И здесь, безусловно, нельзя игнорировать наличие тенденции к актуализации потребности в воссоздании и обосновании традиции, которая во многом связана с религией. Поэтому, несмотря на процессы секуляризации современного общества, значимость религиозных аспектов при формировании коллективных представлений о своем прошлом и будущем трудно игнорировать.

Литература

1. Бергер П. Священная завеса: элементы социологической теории религии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 216 с.

2. Векленко П.В. Правовое регулирование интерпретации исторических событий: проблема целесообразности // Юридические формы переживания истории: практики и пределы / под ред. С.В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 357–362.
3. Грицкевич Т.И. Поиск социальной идентичности личности в конкуренции постоянно взаимодействующих парадигм социально-гуманитарного знания // Модусы социального взаимодействия: концепты идентичности, духовного опыта, общественных преобразований. – Кемерово: КемГУ, 2020. – С. 74–86.
4. Грицкевич Т.И. Реформаторство и социальное конструирование смыслов в религии // Религия в современном мире: вызовы и перспективы в контексте христианской теологии. – Кемерово: КемГУ, 2021. – С. 106–137.
5. Жукова О.И. Самость как предмет социально-философского анализа. – Кемерово: КемГУ, 2009. – 183 с.
6. Пивашевский С.А. Память о социальном порядке и порядок социальной памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 1 (57). – С. 236–239.
7. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви / ред. Г.Т. Шалакин. – Новосибирск: МАСС-Медиа-Центр, 2003. – 304 с.
8. Логунова А.Ю. Семейно-родовая память: социокультурный и региональный контекст. – Кемерово: Полиграф, 2007. – 293 с.
9. Логунова А.Ю., Рычков В.А. Противоречия исторической и социальной памяти во взаимоотношениях церкви и государства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 38. – С. 186–199.
10. Наумов Д.И. Концептуализация социальной памяти в социально-гуманитарном знании: теоретико-методологический аспект // Подольский научный вестник. – 2019. – № 3 (11). – С. 89–96.
11. Религия в современном мире: вызовы и перспективы в контексте христианской теологии / под ред. О.Ф. Гаврилова. – Кемерово: КемГУ, 2021. – 143 с.
12. Репина Л.П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «Практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности. – М.: Аквилон, 2020. – С. 11–36.
13. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. – 2001. – № 2 – С. 3–12.
14. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов. – Минск: Эконопресс, 2006. – 384 с.
15. Luckmann T. The Invisible Religion: the problem of Religion in the Modern. – London: Routledge, 2022. – 124 p.

Статья поступила в редакцию 05.01.2023.

Статья прошла рецензирование 19.01.2023.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-160-176

**RELIGION AND ITS SIGNIFICANCE
IN THE SOCIO-CULTURAL LIFE OF A PERSON:
SPIRITUAL AND PRACTICAL MEANINGS
OF FAMILY-PATRIMONIAL MEMORY**

Logunova, Larisa,

*Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Professor, Department of Sociological Sciences,
Kemerovo State University,
6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8417-913X.
vinsky888@mail.ru*

Zhucova, Olga,

*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,
Professor, Department of Philosophy and Social Sciences,
Kemerovo State University,
6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9689-208X
oizh@list.ru*

Gritskevich, Tatiana,

*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,
Professor, Department of Philosophy and Social Sciences
Kemerovo State University,
6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6479-504X
taigrec@yandex.ru*

Abstract

The connecting elements of the spirituality and religiosity of the individual are social meanings. The human mind rests on them in moments of truth. The authors analyze the basic foundation of spirituality of an individual – the family-patrimonial memory of the Siberian community. This is an element of spiritual life, capable of constructing social and cultural ethical meanings, determining the fate of people, comprehending one's existence. Meaning is an epistemological value. It acts as a reference point for the need for a person's religious choice. Family and tribal memory has a stabilizing cultural-creative function necessary for the reproduction and maintenance of the social order, enshrined in spiritual practices.

Family and tribal memory is defined by the authors as a system of ideas, stereotypes, united by a value-semantic core (family solidarity in understanding one's historical identity) with the spiritual and activity bases of mental structures for assessing the dynamics of historical events, filled with a variety of personal

meanings at the level of semantic functions and variability of semantic interpretations. Family-patrimonial memory is narrative. The study of family mnemonic narratives allowed the authors to determine the significance of sociocultural trauma in the evolution of understanding of their religiosity by members of the Siberian territorial community. The array of interviews with the older generation of Siberians was divided into thematic clusters containing the semantic positions of performing spiritual practices or refusing them. These meanings are passed on by older generations to their grandchildren as a symbolic spiritual capital that influences the behavior of young members of the community. The unity of religiosity and the inconsistency of the content of social memory is devoted to the author's study of the attitude towards religion of the multi-confessional Siberian community.

Keywords: philosophy of religion, family-patrimonial memory, religiosity, Siberian community, spiritual life of the community.

Bibliographic description for citation:

Logunova L., Zhucova O., Gritskevich T. Religion and Its Significance in the Socio-Cultural Life of a Person: Spiritual and Practical Meanings of Family-Patrimonial Memory. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 2, pt. 1, pp. 160–176. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-160-176.

Referenses

1. Berger P. *Svyashchennaya zavesa: elementy sotsiologicheskoi teorii religii* [The sacred canopy: elements of a sociological theory of religion]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 216 p. (In Russian).
2. Veklenko P.V. Pravovoe regulirovanie interpretatsii istoricheskikh sobytii: problema tselesoobraznosti [Legal regulation of the interpretation of historical events: the problem of expediency]. *Yuridicheskie formy perezivaniya istorii: praktiki i predely* [Legal forms of experiencing history: practices and limits]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2020, pp. 357–362.
3. Gritskevich T.I. Poisk sotsial'noi identichnosti lichnosti v konkurentsii postoyanno vzaimodeistvuyushchikh paradig sotsial'no-gumanitarnogo znaniya [The Search for Social Identity in the Competition of Constantly Interacting Paradigms of Social and Humanitarian Knowledge]. *Modusy sotsial'nogo vzaimodeistviya: kontsepty identichnosti, dukhovnogo opyta, obshchestvennykh preobrazovaniy* [Modes of social interaction: concepts of identity, spiritual experience, social transformations]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2020, pp. 74–86.
4. Gritskevich T.I. Reformatorstvo i sotsial'noe konstruirovaniye smyslov v religii [Reformation and social construction of meanings in religion]. *Religiya v sovremennom mire: vyzovy i perspektivy v kontekste khristianskoi teologii* [Religion in the Modern World: Challenges and Prospects in the Context of Christian Theology]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2021, pp. 106–137.
5. Zhukova O.I. *Samost' kak predmet sotsial'no-filosofskogo analiza* [Self as a subject of socio-philosophical analysis]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2009. 183 p.

6. Ivashevsky S.L. Pamyat' o sotsial'nom poryadke i poryadok sotsial'noi pamyati [The Memory of the social order and the order of social memory]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhgorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 236–239.

7. Shalakin G.T., ed. *Kemerovskaya i Novokuznetskaya eparkhiya Russkoi pravoslavnoi tserkvi* [Kemerovskaya and Novokuzneckaya Eparchy of Russian orthodox church]. Novosibirsk, MASS-Media-Tsenter Publ., 2003. 304 p.

8. Logunova L.Yu. *Semeino-rodovaya pamyat': sotsiokul'turnyi i regional'nyi kontekst* [Family-matrimonial memory: sociocultural and regional context]. Kemerovo, Polygraph Publ., 2007. 293 p.

9. Logunova L.Yu., Rychkov V.A. Protivorechiya istoricheskoi i sotsial'noi pamyati vo vzaimootnosheniyakh tserkvi i gosudarstva [Contradictions of historical and social memory in the relationship between church and state]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 38, pp. 186–199.

10. Naumov D.I. Kontseptualizatsiya sotsial'noi pamyati v sotsial'no-gumanitarnom znanii: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Conceptualization of social memory in social-humanitarian knowledge: theoretical and methodological aspect]. *Podol'skii nauchnyi vestnik = Podolsky Scientific Herald*, 2019, no. 3 (11), pp. 89–96.

11. Gavrilov O.F., ed. *Religiya v sovremennom mire: vyzovy i perspektivy v kontekste khris'tianskoi teologii* [Religion in the Modern World: Challenges and Prospects in the Context of Christian Theology]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2021. 143 p.

12. Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti: «Praktika istorii na sluzhbe pamyati» [Historical memory and national narratives of identity: “the practice of history in the service of memory”]. *Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti* [The Past for the Present: History / Memory and Narratives of National Identity]. Moscow, Akvilon Publ., 2020, pp. 11–36.

13. Sztompka P. Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve [Cultural trauma in post-communist society]. *Sotsis = Sociological Studies*, 2001, no. 2, pp. 3–12. (In Russian).

14. Hübner B. *Sinn in Sinn-loser Zeit : metaphysische Verrechnung: eine Abrechnung*. Wien, Passagen, 2002 (Russ. ed.: Khyubner B. *Smysl v bes-SMYSLENNOE vremya: metafizicheskie raschet, proshchety i svedenie schetov*. Minsk, Ekonopress, 2006. 384 p.).

15. Luckmann T. *The Invisible Religion: the problem of Religion in the Modern*. London, Routledge, 2022. 124 p.

The article was received on 05.01.2023.

The article was reviewed on 19.01.2023.